

Эта привычка вырабатывалась годами. Она пустила глубокие корни, сделавшись безмолвной тенью, привычным фоном, который давно перестал осознаваться.

В те давние времена Лю Чжэньцин, Хо Фэйхань и Ли Синжо были неразлучны. Из всех троих семейств только у Хо Фэйханя подрастал младший брат. Стоило им выкроить свободный денёк, чтобы выбраться в город и побаловать себя вкусным, как они неизменно тащили с собой и этого нелюбимого ребёнка.

Но в те годы Эрдгоу отличался редкостным молчанием. К тому же он был слишком мал, чтобы вникать в их взрослые разговоры. Пока троица весело щебетала за столом, мальчик лишь тихо и послушно ел.

Пару раз Лю Чжэньцин умудрялся так сильно подавиться рыбьей костью, что царапал горло до кровавой пены. Спасая его, Ли Синжо без умолку ворчала и отчитывала бедолагу, не забывая при этом тыкать в него пальцем перед Эрдгоу. Она ставила Лю Чжэньцина в пример как худшего едока и наставляла мальчика: «Учись на его ошибках, всегда аккуратно выбирай кости!»

Видимо, это зрелище врезалось в память ребенка. С тех пор всякий раз, когда подавали рыбу, Эрдгоу прилежно садился выбирать из неё кости. Проявлял он при этом невероятное терпение и ловкость рук: очищал мясо молниеносно и безупречно, а затем подкладывал им. Выходило, что трудился один, а лакомились все четверо.

Сейчас, оглядываясь назад, Лю Чжэньцин понимал: какими же бессовестными мерзавцами они тогда были! Настоящая эксплуатация ребенка. Надо же было довести дитя до такого стойкого, въевшегося в плоть и кровь рефлекса.

И ладно бы только старые грехи перед Эрдгоу, но сейчас эта привычка сослужила плохую службу ему самому.

То ли Лю Чжэньцину почудилось, то ли обычно холодный и непроницаемый взгляд Хо Фэнле на миг полыхнул изнутри. В глубине его темных глаз на долю секунды вспыхнул багровый отсвет гнева, но тут же безвозвратно утонул во тьме зрачков.

«Кто бы мог подумать, что великий генерал, защитник государства, собственноручно выберет из рыбы кости, а какой-то бездельник преспокойно сожрёт его труды? — иронично размышлял Лю Чжэньцин. — Нашёл себе личного слугу, нечего сказать!»

Как бы то ни было, из-за нескольких кусочков рыбы Хо Фэнле не мог раскрыть его истинную суть. Лю Чжэньцин поспешил взять себя в руки.

Под прицелом трех ошеломленных взглядов он изобразил крайнее смущение. Торопливо поднявшись, он виновато поклонился и сложил руки в извиняющемся жесте:

— Прошу покорнейше простить мою небывалую дерзость! — пробормотал он, стараясь выглядеть испуганным. — В поместье мне всегда подают рыбу очищенной, на отдельном блюде... Вот я сглупил и потянулся к чужому по привычке, совсем разум затуманился. Молю генерала Хо о снисхождении за эту оплошность!

В комнате повисла мертвая, звенящая тишина. Спустя мучительные мгновения раздался глухой, низкий голос генерала:

— Всё в порядке. Молодой господин Лю, присаживайтесь.

Семья придворного купца утопала в роскоши, так что подобное барство со стороны молодого барина никого не удивило.

Когда Лю Чжэньцин вновь поднял взгляд, лицо Хо Фэнле уже вернуло себе обычное бесстрашие ледяной маски, а зловещий отблеск в глубине его глаз исчез без следа.

Неловко опустившись на стул, Лю Чжэньцин мельком глянул на спутников: Хэ Лань незаметно показал ему большой палец, восхищаясь его безрассудством, а вот Цинь Юй, насупившись, пристально разглядывал Хо Фэнле.

К злосчастному блюду с рыбой больше никто не притронулся. Лю Чжэньцин лишь недоумевал: сам Хо Фэнле почти ничего не съел. Зачем тогда было с таким усердием пластать эту несчастную рыбку?

«Неужели рефлекс, привитый нашей давней троицей, до сих пор руководит его руками? Воистину, грехи наши тяжкие»

Трапезу трудно было назвать весёлой. После этой оплошности Лю Чжэньцин сидел тише воды, ниже травы, а Хо Фэнле больше не проронил ни слова. Закончив обед, компания покинула комнату.

Едва они ступили в коридор второго этажа, как сзади донёсся звонкий детский топот. Лю Чжэньцин хотел было посторониться, уступая дорогу сорванцу, тем более что следом бежал запыхавшийся родитель, умоляя чадо поостеречься и не налететь на прохожих.

Но в суматохе малец не удержался на ногах и шмякнулся прямо перед ними. Из его ладошек выскользнула угловатая вещица и покатилась по полу, остановившись у самых сапог Лю Чжэньцина. Тот пригляделся, и в его глазах вспыхнул искренний интерес.

Ба, да это же нефритовый кубик Рубика!

После перерождения ему ещё ни разу не попадалась эта игрушка. Чжэньцин полагал, что её давным-давно предали забвению. А ведь когда-то он обожал крутить этот кубик в руках...

Но стоило Лю Чжэньцину нагнуться, чтобы поднять его, как подбежавший мужчина средних лет буквально рухнул перед ними на колени. Дрожа всем телом, он распластался в низжайшем поклоне, судорожно накрыв ладонями игрушку, словно совершил тягчайшее преступление, и принялся без умолку лепетать мольбы о прощении.

Мальчик, испугавшись отцовского гнева, жалобно захныкал, но мужчина силой прижал его голову к полу, не позволяя подняться.

Лю Чжэньцин опешил от столь бурной реакции. Стоявший подле него Цзиньли торопливо потянул хозяина за рукав, увлекая назад.

Не только слуга переменился в лице — на физиономиях Хэ Ланя и Цинь Юя тоже проступило явное замешательство.

Вокруг начали шептаться собравшиеся на лестнице зеваки:

— С ума сойти, как только у них ума хватило дать ребенку эту пакость?

— Так ведь её придумал тот презренный временщик! Говорят, он с ней не расставался, а стоило ему приняться крутить эту штуку, как тут же летели чьи-то головы.

— После того как этого предателя казнили, ни один ремесленник не смел больше браться за их изготовление, не то что играть открыто.

— Глупое дитя, любопытство сгубило. Ладно бы дома втихаря баловался, ну поймали бы стражники — отобрали бы да всыпали палок для острастки. Но надо же было столкнуться лицом к лицу с самим...

В этом мире отродясь не слыхивали о нефритовом кубике Рубика. Будучи попаданцем, Лю Чжэньцин когда-то собрал его по памяти, просто чтобы разогнать скуку. Игрушка тогда мгновенно вошла в моду в столице. Сам он действительно питал к ней слабость: когда нужно было сосредоточиться или успокоить мысли, его пальцам непременно требовалось за что-то цепляться.

Но стоило ли так неистово избегать невинной детской забавы? В конце концов, даже к нему, отпрыску некогда могущественного клана Лю, люди относились вполне сносно.

Лю Чжэньцин украдкой покосился на Хо Фэнле, и его сердце тоскливо сжалось.

Хо Фэнле не отрывал потемневших глаз от нефритового кубика Рубика. Всё его существо излучало такую гнетущую ауру, что воздух в коридоре, казалось, превратился в лёд.

В итоге Хо Фэнле не сказал ни слова и просто зашагал вниз по лестнице. Он не выказал того суеверного ужаса, что охватил толпу, но на душе у Лю Чжэньцина всё равно стало невыразимо паршиво.

Ничтожное происшествие в одно мгновение сорвало фальшивую маску благополучия.

Хо Фэнле по-прежнему люто ненавидел его. Тот, кто решился осквернить чужую могилу и предать прах огню, никогда не простит покойника.

Спустя мгновение Лю Чжэньцин попытался успокоить разбушевавшиеся чувства.

«Да и пусть ненавидит, какая разница? — горько усмехнулся он про себя. — Тот Лю Чжэньцин, на которого обращён его гнев, давно истлел в могиле»

«Что мне сделает этот упрямый мальчишка? Ещё день-другой — и мы расстанемся навсегда»

«Разозлился из-за обычного деревянного кубика... В прежние времена я любил множество диковинных безделушек, пусть попробует наложить запрет на каждую»

«Хотя... ведь когда-то этот самый Эрдгоу собственноручно вырезал и подарил мне точно такой же нефритовый кубик Рубика»

Попытка примириться с действительностью принесла лишь глухое раздражение. Не желая терпеть обиду, Лю Чжэньцин мстительно уставился на шедшего впереди Хо Фэнле, буравя взглядом его затылок, чтобы хоть как-то унять досаду.

У ворот трактира троица проводила Лю Чжэньцина к экипажу. Поскольку Хо Фэнле уже отдал все распоряжения своим подчинённым касательно его выезда из города, эта встреча должна была стать последней.

Лю Чжэньцин не испытывал лишних сантиментов: он лишь чинно поклонился, поблагодарил за помощь, пожелал удачной дороги и скрылся в недрах экипажа.

Хо Фэнле долго смотрел вслед удаляющемуся экипажу. В груди почему-то защемило, разлилась глухая, тягучая тоска. Он устало потер переносицу.

— Навестим императорского лекаря Ли? — спросил Цинь Юй, бесшумно поравнявшись с ним.

— Что стряслось? — удивился Хэ Лань.

Цинь Юй сдвинул брови:

— Его старый недуг едва не дал о себе знать.

Хэ Лань не на шутку встревожился и поспешно взгляделся в лицо Хо Фэнле:

— Когда это произошло?

— Когда за столом делили рыбу, — отозвался Цинь Юй.

Хэ Лань мгновенно припомнил, что за столом Хо Фэнле действительно на миг показался сам не свой.

— Да быть не может! Из-за куска рыбы? — изумился Хэ Лань. — Тебе не кажется, что у твоего недуга слишком причудливые причуды?

Взгляд Хо Фэнле на мгновение дрогнул, но он упрямо мотнул головой:

— Пустяки. Снадобье, что оставила мне невестка, у меня с собой. Я поеду.

Не давая друзьям возможности продолжить расспросы, Хо Фэнле перехватил поводья у подбегавшего слуги, легко взлетел в седло и умчался прочь.

Оказавшись в родных стенах генеральского поместья, Хо Фэнле во дворе приметил Хо Юньцы и Хо Юньцяня. Ребята увлеченно отрабатывали боевые связки. Он окинул их рассеянным взглядом: движения племянников показались ему весьма причудливыми.

Впрочем, мысли его блуждали далеко отсюда, так что всматриваться он не стал. Завидев дядю, подростки тут же прервали тренировку и послушно поклонились.

Когда тяжёлые шаги генерала стихли в глубине коридора, Хо Юньцянь повернулся к сестре:

— Сестрица, ты ведь собиралась просить второго дядю проверить этот выпад в деле?

Хо Юньцы кокетливо взмахнула зажатым в руке кинжалом:

— Я еще не довела его до ума. Вот отшлифую прием как следует, застигну дядю врасплох — тогда он точно признает, что у меня талант!

Хо Юньцянь лишь со вздохом покачал головой, глядя на её ребячество.

— Кто бы мог подумать, что этот изнеженный Лю Сяочжу, у которого силёнок меньше, чем у цыплёнка, окажется столь изобретательным! — заговорщицки подмигнула Хо Юньцы. — Тот скрытый удар, которым он отбивался, просто великолепен. Видать, отчаянно цеплялся за жизнь, вот и выдумал на ходу. Вот освою его как следует — и у меня появится козырь в рукаве!

Тем временем Хо Фэнле, погруженный в безрадостные думы, заперся в кабинете. Нашупав скрытую пружину, он выдвинул потайной ящичек и бережно достал оттуда изящную шкатулку размером с ладонь.

Это был искусный ларец с секретом: внутри него скрывался самый сложный механизм из десяти взаимосвязанных шестерен. Шесть лет назад эту диковинку преподнес ему странствующий мудрец. Хо Фэнле долго всматривался в тончайшие узоры на крышке, предпринял очередную попытку разгадать головоломку, но тайна замка вновь осталась неразгаданной.

Убрав шкатулку обратно в тайник, Хо Фэнле прикрыл веки, гася всколыхнувшиеся чувства. Когда он вновь открыл глаза, на его лице застыла привычная маска безразличия. Покинув кабинет, он вышел в сад и уселся под тенью старого дерева, погружаясь в безмолвное созерцание.

Тем временем Лю Чжэньцин вернулся в усадьбу и обратился к Старому господину Лю с просьбой ускорить его отъезд. Как только весть долетела до второй и третьей ветвей семьи, в доме поднялся невообразимый гвалт. Дядюшки и кузены считали, что после пережитого потрясения Лю Чжэньцин ведёт себя излишне подозрительно, и это внушало им тревогу. Они настаивали на том, чтобы оставить парня под присмотром: кто знает, что затекает старик, пытаясь услать внука подальше от столицы?

Однако глава рода остался непреклонен, отменяя любые возражения. Раны Лю Чжэньцина затянулись, нежеланная помолвка была расторгнута. Что касается строгого досмотра на заставах, то сам генерал Хо обещал свое покровительство. Не оставалось ни единого разумного повода удерживать юношу в столице.

В конце концов Старый господин Лю хлопнул ладонью по столу, прекращая споры. Хотя сам Лю Чжэньцин предпочёл бы откланяться уже наутро, столь поспешный отъезд, похожий на бегство погорельцев, не подошёл бы знатному семейству. Рассудив здраво, он наметил отъезд на третий день. Завтрашнее утро надлежало посвятить укладке вещей и вежливым визитам к немногочисленным приятелям, послезавтра начинались весенние императорские экзамены — в суматохе перекрытых улиц выехать из города всё равно бы не удалось, — а значит, день после них подходил идеально.

Однако судьба распорядилась иначе. Благополучно пережив первые двое суток, Лю Чжэньцин споткнулся на самом пороге.

Он как раз давал последние наставления слуге, собиравшемуся отвезти прощальное письмо в генеральское поместье, когда у ворот появился посыльный. Утренняя почта принесла изящные свитки: Великая принцесса покорнейше просила троих молодых господ семьи Лю почтить своим присутствием завтрашний весенний праздник в её загородной усадьбе.

<http://bllate.org/book/20542/2132209>